

Памяти Бориса Ивановича Максимова (1934-2016)

Вот и Боря Максимов ушел. С ним связано очень и очень многое. Это и одна из самых мощных и активных секций ЛО ССА — секция промышленной социологии, которую он возглавлял много лет, и регулярно проводимые им семинары заводских социологов в Доме научно-технической пропаганды на Невском. Много лет Боря входил в состав правления ССА. Он никогда не рвался ни к какому руководству. И, тем не менее, много лет был во главе социологической службы прославленного Кировского завода. И даже когда ушел в академические структуры, не забывал про свой завод. Более того, в период «лихих 90-х» и позже вел своеобразный мониторинг его (завода) состояния, и отразил результаты своих наблюдений в книге «Флагман индустрии в рыночной стихии» (2016). Эта книга пронизана его болью за этот завод, за его рабочих.

Борис был человеком очень скромным, даже застенчивым (про таких иногда говорят — «незаметный человек»). Он никогда и нигде не «выпячивал» себя — просто предпочитал делать любое дело без рекламы. Вместе со своей женой он участвовал в нескольких сельских экспедициях в Тверской, Новгородской, Вологодской и Ленинградской областях. И там Борис также интересовался состоянием и «перспективой» сельских храмов. Там-то я случайно и узнал о том, что Борис со своими друзьями и односельчанами, немало сил положил на восстановление порушенных и разрушающихся церквей и часовен.

Подтверждение этого факта получил совсем недавно, когда посетил музей «родовой» деревни со странным названием Псоедь, где родился Борис, и где он вместе с дочерью создал музей этой деревни. Должен сказать — замечательный музей. Очерк об этой стороне жизни Бори Максимова будет опубликован в одном из ближайших номеров журнала «Человек». К сожалению, Борис уже не увидит его напечатанным.

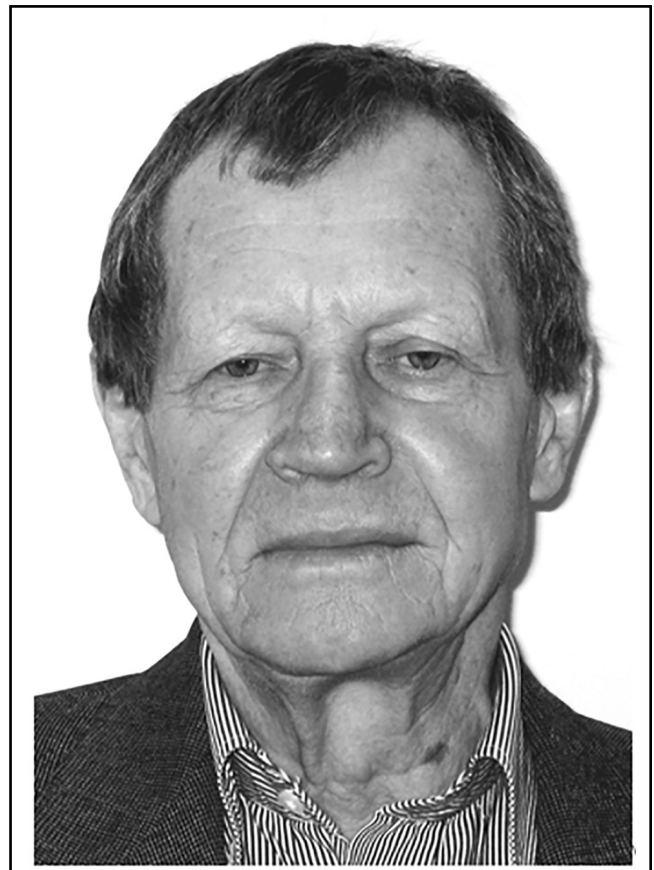
Его активная жизненная позиция в сочетании с социологическим профессионализмом проявлялась во всем. В начале перестройки, на волне эйфории демократических перемен, Борис был выдвинут коллегами и избран депутатом совета депутатов Московского района Ленинграда. Он мог бы стать и депутатом Верховного совета СССР, но решил, что начинать стоит с малого, и честно отработал весь депутатский срок, получив массу наблюдений и впечатлений, которые осмысливал именно как социолог. В период всероссийской переписи 1999 года Борис пошел работать простым переписчиком, чтобы самому понять весь этот процесс. Да и в руководимых мною сельских экспедициях, он также «заряжался» духом народной жизни и был отличным интервьюером.

Зная Бориса более 40 лет, с самого первого дня нашего знакомства испытывал к нему симпатию. И чем дольше общался с ним, тем большим уважением проникался, в том числе и потому, что каждый раз он открывался с какой-то новой стороны.

Очерк о Борисе Ивановиче Максимове для журнала «Человек» заканчивался так: «Что бы ни делал мой герой, он старается это делать так, чтобы не было стыдно за сделанное, ни перед другими, а тем более, — перед собой. И это также, на мой взгляд, одна из важнейших черт простого, нормального хорошего человека.

Думаю, что таких людей немало, но мы не всегда умеем их разглядеть, понять и поддержать. Может быть потому, что они составляют глубину, сущность — «соль жизни». А на поверхности, как правило, оказывается «пена», которую хорошо видно, которая нахально лезет в глаза и, к сожалению, все чаще и активнее выдает себя за норму.

Тем более жалко, что такие люди уходят и уходят. Дорогой Боря, пока мы живы, ты всегда с нами.

Послесловие (Репортаж с похорон)

Ушел из жизни по-настоящему Хороший Человек — Борис Иванович Максимов. 9 июля 2016 г. состоялись его похороны. Не буду говорить о ритуальных процедурах. Это (в принципе) всем известно. Хотелось бы рассказать еще раз о нём.

Однажды я уже говорил о том, что знал Бориса больше срока лет, и каждый раз он открывался какими-то новыми своими гранями. Для меня он часто был «открытием». Казалось бы, жизнь его закончена и «открытый» больше быть не может. Однако, это совсем не так.

Похороны имели, как минимум две стадии: первая — прощание с ним в крематории. Здесь собралось много людей: родные, коллеги по работе, однокурсники, друзья по жизни. Затем по воле усопшего, его тело повезли на его родину в деревню Псоедь Лужского района Ленинградской области (Осьминское поселение, что в 160 км. от Санкт-Петербурга). Понятно, что сюда поехали далеко не все, кто прощался с Борисом в городе. Но два микро автобуса были заполнены, а некоторые приехали сюда независимо от всего остального на своих автомобилях (кто-то приехал раньше, кто-то позже, но все, кто хотел, приехали вовремя). Стоит отметить, что последний гость приехал в половине 11-го и уехал уже после полуночи — этот человек не мог поступить иначе. Ибо питал к Борису искренние и глубокие чувства.

Эти деревенские поминки стали для меня еще одним (уже посмертным) открытием Бориса Максимова. Надо было видеть и слышать его односельчан; надо было видеть и слышать, как они относились к нему и как выражали слова безмерной благодарности Борису за все, что он сделал для родной деревни. Конечно, не один. За памятным столом были его деревенские соратники, такие же подвижники и патриоты своей деревни,

как и он сам. Они признали лидерство Бориса, его неуёмную энергию, которая и их «заводила». Они отмечали при этом, что Боря Максимов никогда не выпячивал себя, но воспринимал себя, как одного из них ничем от других не отличавшихся.

И, тем не менее, односельчане признали именно его заводилой и инициатором многих дел, которые были существенны для деревни. Это и ремонт часовни в родной деревне, и попытка реставрации церкви в Осьмино, и ремонт моста через речку Саба, это и музей деревни, это и праздник «Макушка лета», который стал доброй деревенской традицией и существует уже более сорока лет, и многое другое. Конечно, его односельчане не знают такого мудреного слова, как «комьюнити», но именно сплоченное комьюнити и отличало деревню Псоедь от многих соседних деревень.

И до этого печального дня я знал о том, что у Бориса большая многопоколенная семья. Здесь мне довелось увидеть весь семейный клан почти в полном сборе. Это действительно сплоченный семейный клан, стержнем которого был Борис. Его старшинство (отнюдь не по возрасту) в этом клане признают все. Даже его жена время от времени называла его Дедулей. (Это, кстати, типично для многопоколенных семей. Когда появляются внуки, «родителей среднего поколения» не только их внуки, но и дети начинают звать бабулями (бабушками) и дедулями (дедушками) — знаю это и по себе).

Отдельный сюжет — друзья Бориса Максимова (еще одно открытие). Их за поминальным столом было, пожалуй, больше всего. В основном их объединили туристические походы, которые организовывал Борис: на плотках, на катамаранах, пешие и т.п. Это еще одно комьюнити, объединяющее людей разных поколений. Так как в походы Борис и его жена ходили вместе

с детьми. И, глядя на них, и друзья брали в походы своих детей. В этих походах сдружились не только родители, но и дети. И эта многопоколенная дружба, эта взаимная привязанность сохранилась до сих пор. По Курту Воннегуту, это — люди «одного караса». Но это не только «походники-туристы», среди них и представители бригады строителей, как теперь сказали бы — волонтеров, — тех, кто вместе с Борисом бескорыстно ремонтировал (восстанавливал) часовни и церкви в разных районах Ленинградской области. И те, и другие — замечательные, светлые люди (подстать Боре Максимова). И это тоже важная его характеристика.

Этот день получился бесконечно длинным, но удивительно светлым. И погода благоприятствовала, и атмосфера тепла, добра, благодарности и любви приглушала боль утраты.

подавляющее большинство присутствующих — односельчане, друзья, соратники — знали Бориса, что называется — «в миру» и очень мало знали его со стороны его научных занятий. Не удивительно, что им была интересна и важна эта неизвестная для них сторона его жизни. Родные распечатали тексты, опубликованные на разных сайтах в связи с кончиной Бориса, и некоторые его последние работы. Эти тексты переходили из рук в руки. Для его друзей далеких от социологии было очень значимо то, что они слышали о Борисе, как о социологе от его однокурсников и коллег, и то, что прочли в его текстах. Тем более, что его научные труды написаны простым, живым языком. И это вовсе не беллетристика, а серьезные и глубокие работы. Сдается, что именно таким языком и должны овладеть социологи, чтобы поднять несколько пошатнувшийся престиж социологической науки.

Олег Божков

